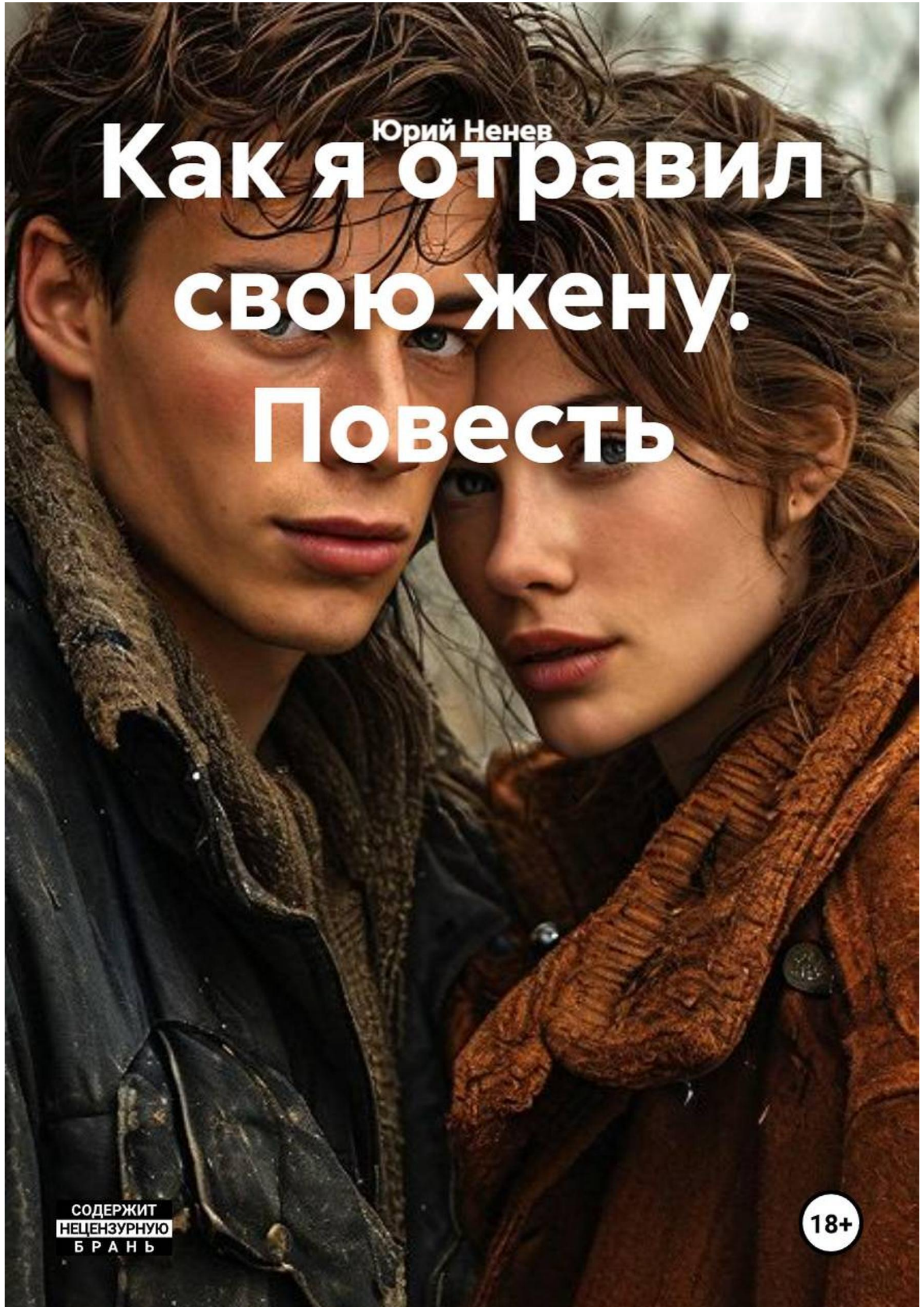

Юрий Ненев

Как я отравил свою жену. Повесть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Ненев

Как я отравил свою жену. Повесть

«Автор»

2026

Ненев Ю. В.

Как я отравил свою жену. Повесть / Ю. В. Ненев — «Автор»,
2026

Одно из жарких лет "нулевых". Неразделенная любовь и житейские передраги бросают студента Арсения в бездну отчаяния. От рокового шага его спасает странный человек, с которым довольно быстро завязывается дружба. Новый знакомый, пускаясь в рассказы о себе, проникается личной драмой Арсения и начинает давать советы о том, как вернуть потерянную любовь. Вместе с тем Арсений узнает от нового друга, что тот некогда отравил свою собственную жену. Когда же все попытки вернуть возлюбленную терпят крах, странный знакомый предлагает Арсению поступить с девушкой точно также как со своей супругой - отравить. Молодой человек, ведомый чувством досады и ревности, соглашается на этот план, не представляя себе с кем в реальности имеет дело. В повести встречаются украинизмы, для удобства читателя и полноты колорита, выделенные курсивом.

© Ненев Ю. В., 2026

© Автор, 2026

Юрий Ненев

Как я отравил свою жену. Повесть

Глава 1

Он ещё верил в то, что всё может измениться. Душу наполняло чувство отчаяния, однако она цеплялась за последнюю, хоть и хлипкую соломинку спасения. Рыдающее, разорванное болью сердце ещё пылало огнём жизни, просило пощады у беспощадного разума. Мысленно Арсений уже понимал, что в его ситуации мало что может изменить положение, разве что чудесное стечение обстоятельств. Жизненный опыт, хоть и не столь большой, а также логика утверждали, что тут пора поставить точку. Решение проблемы молодой человек не раз проматывал в своей голове, заходил и так, и эдак с разных сторон. Тем не менее, многочисленные рефлексии всякий раз подводили Арсения к одному единственному варианту – самому радикальному. Поначалу это были мельком проскакивающие мысли, потом они стали всплывать в голове всё чаще, а вскоре заполнили собой сознание. Юноша даже не успел их испугаться, поэтому довольно быстро свыкся. Теперь он был полностью готов, разве что желание посмотреть чемпионат Европы по футболу отсрочивало исполнение задуманного.

Как некстати, в этот первый месяц лета у Арсения намечалась сессия в институте. Он учился на переводчика, заканчивал первый курс. Как таковых, особых способностей к английскому языку у молодого человека не было, ровно, как и работать по этой профессии. Как и у многих его сверстников, выбор учебного заведения был продиктован представлениями родителей о лучшей доле отпрыска, нежели желанием самого абитуриента. Именно так для себя решили отец и мать Арсения: он непременно должен стать переводчиков и профессионально знать английский, потому что это открывает перед ним почти что все возможные дороги. Даже если диплом переводчика никаких дверей перед сыном не откроет, всё равно владение ведущим, ставшим практически международным языком, английским, было бы дополнительным набором очков в списке преимуществ. Именно туда родители пристроили Арсения, как только он получил диплом об окончании строительного колледжа.

Учебное заведение было довольно неплохим: открыто под эгидой и с помощью финансирования спонсоров из США и Великобритании. Да и в отличие от многих высших школ бывшего СССР, обучение там не было скучным времяпрепровождением: новенькие красивые учебники с яркими картинками и живым современным языком, новые методики преподавания и языковой адаптации. В этом институте учили живой современный язык, а не зубрили устаревшие обороты по книжкам двадцатилетней давности. Можно было бы сказать, что Арсению повезло, но его перспектива переводчика отнюдь не прельщала. Молодой человек учился там лишь, чтобы не травмировать родителей и не обрекать на крах их надежд. У него самого каких-то чётких видов на жизнь не было, как предпочтений в профессии. Жить и работать за рубежом он тоже не хотел. Заниматься английским ему не нравилось: куда интереснее было учиться в строительном колледже. Отучившись кое-как на первом курсе, Арсений подошел к своей летней сессии, которая обещала быть на порядок сложнее зимней, которую он едва сумел сдать.

Если первый, самый лёгкий экзамен по социальной коммуникации он сдал, то последние два, напрямую затрагивающие вопрос владения языком, грозили обернуться провалом.

Пятница, тринадцатое число месяца. Как назло, именно в этот день должен состояться экзамен по грамматике. Начавшийся долгожданный чемпионат Европы по футболу уже начался, а Арсений, будучи поклонником футбола, никак не мог пропустить возможности очередную телетрансляцию. Одним словом, к экзамену он подготовиться не успел. Утром в университет Арсений отправился без всякой надежды. Завал на экзамене был вполне ожидаемым делом, поэтому молодой человек старался отгонять от себя дурные мысли, решив занять ум чем-то более приятным: например, футболом. Выйдя из метро, Арсению все же становилось

всё больше не по себе. Несмотря на жаркую, даже в утренние часы погоду, по телу юноши пробегал лёгкий озноб, кожа покрывалась мурашками. От выхода из метро до здания института можно было дойти пешком где-то за пол часа. Так Арсений двинул вдоль широкого оживленного бульвара, вдоль посадки каштанов. Они отцвели еще в конце мая, угасли их душистые ароматы, уступая место запахам городской пыли и гари выхлопных газов, проносившихся мимо бесконечных потоков автомобилей. Проходя под сенью темно-зеленых раскидистых исполинов, молодой человек попадал под их спасительную прохладную тень, образованную переплетающимися зонтами-кронами. Эта прохлада только усилила ощущение холода настолько, что Арсений даже стал мёрзнуть. Пришлось накинуть на себя прихваченную джинсовую куртку, которая еще рядом с домом казалась бесполезным атрибутом этого дня.

Придя в институт, юноша, хотел забиться куда-нибудь подальше, лишь бы скрыться от глаз сокурсников и лишних разговоров. Ему даже не очень-то уж хотелось встретиться глазами с девушкой, в которую был без памяти влюблен. Ее звали Полина. Училась на том же курсе, что и Арсений, но только в другой группе. Молодой человек влюбился в эффектную блондинку с большими зелено-карими глазами почти сразу. Девушка любила пококетничать, подразнить парней, оставаясь недоступной. Арсений для неё не был исключением. Она максимально позволяла молодому человеку приблизиться к ней, но вскоре после жестов дружелюбия и расположения отвечала колким холодом. Тем не менее, юноша не отступал от своего, всячески пытаясь добиться внимания жеманной избранницы. Арсений стал сал сам себе напоминая дружелюбного пёсика, который заглядывает в глаза любимому человеку, приветливо виляет хвостиком, тихо скулит, зазывая объект обожания на прогулку. Только этот человек всякий раз отвечал собачонке грубым словом, жестом отвержения. Пёс только склонял свою несчастную голову, чтобы никто не увидел его искренние собачьи слёзы.

К маю месяцу Арсений практически потерял веру в то, что он когда-либо сумеет добиться внимания Полины. Да и к чему оно вообще? Учитывая предысторию, со стороны девушки это было бы проявлением жалости, а не истинной любви. На это всё ещё насаживались неудачи в учёбе в ненавистном, опостылевшем сердце институте. Тут сошлось одно к одному, оттого и стали посещать Арсения дурные мысли, ставшие навязчивыми.

К невезению молодого человека у аудитории, где должен был проходить экзамен, уже собралось немало однокурсников. Они даже составили на типографских листках список, и по порядковому номеру напротив фамилии должны были пятерками заходить на экзамен. Арсений оказался где-то в середине, тридцать пятый в очереди. Пришлось занять местечко на кожаном диване в холле коридора, где уже сгрудились его сокурсники. Одни беседовали между собой о каких-то пустяках, кто-то перебивал кости преподавателям, третьи пересказывали друг другу слухи, сплетни, небылицы, в которых реальность едва ли можно было отличить от реальности. Некоторые, не отрывая глаз, зубрили конспекты, материалы из учебников. Лишь самые спокойные – у тех, кому повезло родиться с нервами, сотканными из стальных канатов, всё еще мысленно были дома, занимали голову непременными бытовыми заботами, на фоне которых какой-то экзамен не более, чем пустяк, лишняя трата драгоценного времени, которое лучше посвятить дому. А еще лучше даче: ибо лето было в разгаре, и это означало, что вся активная деятельность перетекает за город. Туда, на возделенные грядки, сады, вечно требующие ремонта домишки, каждую пятницу устремлялись металлические потоки автомобилей. Нагруженные мешками, стеклянными банками и разным хламом, ставшим ненужным в городских квартирах, машины скапливались в километровые пробки на улицах в направлении выездов из города, напоминая дымящие, сигналившие косяки разноцветных морских рыб. Именно оттуда в городе появлялись первые дары щедрой земли, на обрабатывание которой уходило столько времени: выращенные своими руками огурцы, редис, зелень, клубника, абрикосы. Студенты хвалились друг перед другом, доставая из сумок с книжками и тетрадями ломти хлеба, на которых вместе с магазинной колбасой или ветчиной красовались дары дачи. Больше всего

хващали те, у кого на даче имелась птица или какая-нибудь ещё сельскохозяйственная живность: у тех студентов даже были с собой сваренные дома вкрутую яйца личных домашних кур. Что касается Арсения, то он сидел, положив свою сумку-почтальонку на колени, не вытаскивая из нее ни одной тетради и ни одной книги.

- Сень, тебе не кажется, что лучше идти в самом конце? Преподы к этому времени устанут, им станет лень углубляться в подробности. Это твой шанс. – Обратился к Арсению его одноклассник Марк: долговязый худощавый, с закинутыми на бок занавеской волосами. По натуре он был щеголеватый и довольно общительный. Марк буквально излучал из себя самолюбие и самолюбование. Он хотел всегда и везде быть и прослыть лучшим, каким считал себя. Однако, такого мнения придерживался разве что сам Марк. Несмотря на щепетильное внимание к своей внешности: различные лосьоны, крема, гели для душа и увлажнения лица, частые походы в парикмахерскую, девушки с курса не впечатлялись Марком. Он хоть и выглядел максимально ухоженным, но всё равно оставался принципиально некрасивым: долговязый, сутулый, с впалой грудной клеткой, длинными, тонкими паучьими руками и ногами, нелепо, будто ветки торчащие из его тощего тельца, похожего на головогрудь паука. Это всё дополняла вытянутая яйцеобразная голова с высоким выпуклым лбом и заостренным раздвоенным подбородком выпиравшей немного вперед нижней челюсти. Большие голубые глаза были широко расставлены, наружные уголки скошены книзу, а скулы так подавались вниз, что создавало эффект синих мешков под глазами Марка. Высокая переносица, узкий длинный, похожий на вороний клюв, нос, толстые губы, отбеленные неровные, скученные зубы.

Марк к тому же был большим поклонником спорта: занимался в фитнес-зале, катался на велосипеде. Однако, все эти усилия не превращали старательного юношу в красавца с рифлеными мускулами и статной осанкой. Марк оставался длинным сутулым жердем, лишенным мышечной массы. Такими же не утешающими были и его результаты в изучении английского языка. Всегда самоуверенный, хвастающий произношением, навязчиво раздающий советы Марк перманентно получал в лучшем случае удовлетворительные оценки.

Слово за слово, и между парнями завязался разговор. Конечно же он не мог не коснуться темы футбола.

- Кто?! Павлюченко?! Чел, ты чем вообще сморишь? Ты серьезно считаешь, что Павлюченко хорошо играет? В сборной России нет ни одного сколько-нибудь способного играть в футбол. Лучше очки свои протри, прежде чем садиться глядеть матч... а то ты чего-то не то видишь. – По своей привычке разговаривать с издёвкой и демонстрацией превосходства, начал Марк. Поиздеваться и понасмехаться над Арсением он вообще любил. Не упустил он и возможность уязвить одноклассника и в этот раз, хотя тот и не носил постоянно очков, надевая их только, когда что-то нужно списывать с доски – у юноши было лёгкое косоглазие.

Что касается Арсения, то он уже давно привык к нападкам Марка, поэтому не придавал им большого значения, как и практически все остальные, учившиеся на курсе. Марк мог сколько угодно шпытать «очкариков», но в это же время многие, вынужденные носить этот атрибут, были куда более успешными и популярными у противоположного пола, нежели Марк. Арсений то же бы был рад прекратить всяческие отношения с этим надменным типом, если бы их не объединяли два фактора. Как известно, беды сближают людей, даже принципиально разных и порой непримиримых. Так было с Арсением и Марком. Оба были крайне неудачливы в личной жизни и в изучении английского языка.

- А что мне твоя Испания, Голландия, Германия и все прочие? Допустим, они играют лучше, чем Россия. Но зато я смотрел матч, где Франция... Франция, которая десять лет назад еще была чемпионом мира, не сумела обыграть Румынию! Даже не Испанию и Голландия, а какую-то несчастную Румынию! Глядя на всё это, я бы поставил на то, что французов сумеет обыграть даже сборная России. Да и вообще: я бы сказал, что по сравнению с прошлым Евро, их сборная стала смотреться лучше.

- Ты сейчас серьезно? Россия? Которая шесть лет назад продула Японии? – стоял на своём Марк, укладывая рукой растрепавшуюся причёску.

- Японцы хоть и победили Россию, но со счётом 1:0. – парировал Арсений.

- А два года назад твоя Россия пролетела над чемпионатом мира, как фанера над Парижем. – издевательски хохотал Марк.

- Ну это же мундиаль! Туда сложнее пробиться. Зато на чемпионат Европы проще. Я сейчас не про то, что рассчитываю на победу России. Это вопрос симпатии: за кого еще болеть? Конечно же за своих! Вои т я болею за сборную России. – отвечал Арсений.

Да плевать! Чёрт с ней с этой сборной России! Согласен, что Франция уже не та. Но ставить под сомнение Испанию, Голландию и Португалию...

- Вот за Португалию я, возможно, буду болеть, когда Россию вышибут с чемпионата. Голландия по мне как была пресной командой, так такой и осталась. От Испании не знаю, чего ожидать... Германия очень даже неплоха, но как бы не вышло вроде прошлого чемпионата, где она не вышла из группы. А Греция?

- Точно! Греция! Они же действующие чемпионы, и, судя по всему, имеют все шансы сохранить титул. Эта страна – новое открытие в мире европейского футбола. – Неожиданно согласился с Арсением Марк.

- Тогда буду болеть и за Грецию тоже. Жаль, что они играют в одной группе с Россией. А завтра уже сыграют вместе. – тяжело вздохнул Арсений.

- На кого ставишь? – сразу же подхватил Марк.

- Даже не знаю... Греция смотрится сильнее, и по факту считается более сильной, но мое сердце остается на стороне России... Да! Буду болеть за наших во что бы то ни стало. Вот потом, после этого матча, можно уже будет болеть за Грецию без оглядки... когда Россия вылетит с чемпионата. С Швецией мы наверняка справимся.

- Швеция? А ей удалось залепить два мяча действующему чемпиону – Греции. – озадачился вдруг Марк.

- На кого поставишь в матче Россия – Швеция? – подловил Марка на редкой минуте сомнения Арсений.

- Даже не знаю... Ибрагимович, конечно, красавчик.

- Павлюченко и Аршавин вполне могут задать твоему Ибрагимовичу трёпку. – ответил Арсений.

- Ладно. До этого далеко. А завтра играют Греция и Россия. Я буду за греков. Тогда бьемся о заклад. Как закончится матч, то я тебе позвоню. На что спорим?

- Только не на деньги. Можешь треснуть меня по голове, если Греция победит.

- Окей. Тогда по рукам. Снимай очки заранее. – ухмыльнулся самоуверенный юноша, никак не забывавший о том, что Арсений иногда надевает очки, чтобы читать с доски.

Экзамен с самых первых минут начался довольно бодро. Преподавательский состав опрашивал довольно быстро, не затягивая время. Им также, как и студентам хотелось побыстрее всё закончить и разъехаться по дачам: тем более сегодня пятница, и к середине дня пробки у выездов из города растянутся уж точно на десяток километров. Периодически то один, то другой преподаватель кафедры выходил в коридор, начинал торопить студентов. Некоторые, особенно заядлые дачники, без особых увещаний старались как можно раньше попасть на экзамен: толкались в дверях, спорили, ругались, если кто норовил пролезть без очереди. Зато довольно неторопливой походкой шла по коридору Полина со своими подругами – Сашей и Дианой. Арсений мгновенно заметил их, даже вскочил с места, но тут же сел обратно. Что касается девушек, то они даже не поглядели с сторону радушного парня, будто он был для них невидимым. Зато их внимание переключил на себя высокого роста статный, плечистый Александр. Нельзя сказать, что он был сердцеедом курса, но многие девушки проявляли к нему симпатию. Прямой лоб, густая воронёно-черная шевелюра, уложенных лаком, хищный прищур

карих глаз, ровные белые зубы, очерченная линия нижней челюсти с граненым подбородком – редкая девушка не влюбится в такого.

- У тебя против него нет шансов, друг. – заметил смущение Арсения Марк. – Вот я: красавец! Всё при мне, не хуже этого Маркелова, но и я, как и ты, остался не в удел. – сожалел Марк, одновременно сочувствуя Арсению, но в то же время, не упуская возможности похвастать своими внешними данными. Говоря всё это, Марк лихо мотнул своей яйцеобразной головой с заливчатой причёской и показал свои кривые зубы. «Вот есть же на свете люди: такие самоуверенные, что ничто их не берет – будь они во сто крат страшнее чёрта, но всё равно, их внутренняя самоуверенность будет твердить им, что они прекраснее всех на свете» - думал про себя Арсений, в очередной раз поражаясь самооценке однокашника.

- В Греции, конечно, всё есть, но мы сейчас с вами не в Греции, молодые люди. Я так думаю, на раздачу оценок «отлично» и «хорошо» вы не желаете успеть. Ну, ладно: получайте, что останется. – обратился к Арсению и Марку заведующий кафедры Краснобаев, который, выйдя из учебной аудитории, где проходил экзамен, ненароком подслушал разговор молодых людей о футболе.

Александр Григорьевич Краснобаев, хоть и был тут начальником, но отличался довольно миролюбивым характером и готовностью идти навстречу. Даже принимая экзамен, он относился к студентам несколько снисходительнее, чем его коллеги. Внешность Краснобаева как бы даже располагала к себе: невысокого роста мужчина лет шестидесяти, довольно подтянутый, абсолютно не обрюзгший с годами. Седые, почти белые волосы, такого же цвета густые усы над верхней губой. Загоревшая почти до бронзового оттенка кожа. Его улыбчивое лицо буквально излучало радушие. Одет заведующий кафедры был просто: клетчатая рубашка с короткими рукавами, обнажавшие крепкие, мускулистые, загорелые руки с толстыми запястьями и крепкими пальцами, привыкшими к крестьянскому труду, хоть и на даче. Легкие бежевые брюки, подпоясанные плетеным ремнем, летние кожаные кремсовые туфли с острыми мысами. Вечным атрибутом доцента Краснобаева был оттопыренный нагрудный карман рубашки, в котором он по своей привычке носил блокнот, ручку, и какие-то бумажки. Такими же набитыми были его карманы брюк, в которых он носил мобильный телефон, ключи, зажигалки и пачку сигарет. Недолгие увещевания с пространными обещаниями, и Арсений с Марком уже встали в очередь на заход в аудиторию. Пока эти двое тряслись от страха, ожидая захода в аудиторию, некоторые уже праздновали успешную сдачу экзамена.

- Сень! Хочешь сала домашнего? Хорошее, с прожилками. Свинью родственники на прошлой неделе зарезали, но съесть никак не можем. И ты, Марк, угощайся! – сунул парням бутерброды с салом, ржаным хлебом и перьями зелёного лука Дима – их однокурсник, который был старше всех, и даже был женат.

Арсений и Марк с радостью приняли угощение. Вслед за этим Дима протянул товарищам пластиковую бутылку «Дюшеса».

- Будем считать, что это газировка. – полушепотом, приложив палец к губам, сказал Дмитрий.

- Белое вино? – приняв напиток, спросил Арсений. Дима только хитро кивнул. Сделав по три глотка, молодые люди вернули бутылку Диме и искренне поблагодарили его, похвалив за хитрую выдумку.

- Ну! Мороз! Фильштейн! Давайте быстрее! – послышался командный голос заведующего кафедры из открывшейся двери. Парни повиновались.

- Еще один человек! Ещёёё одииин! – зывал на экзамен Краснобаев. Вслед за Арсением и Марком в аудиторию прошла подруга Полины – Александра.

Студенты отдали свои зачетки ассистентам экзамена, выложили на столы мобильные телефоны, после чего взяли положенное количество билетов с грамматическими упражнениями, бумагу и сели за столы, сдвинутые между собой в один. Экзамен был в самом раз-

гаре, поэтому преподавательские столы уже ломились от подарков, которыми «подмазывали» студенты, не имевшие возможности сунуть преподавателю конвертик с деньгами: домашние огурцы, соленья, редиска и зелень с огородов, ведёрки клубники, слив, черешни, красиво упакованные бутылки дорогого коньяка, виски и рома. Арсений, как и все остальные, находившиеся тут, кроме Маркелова, пришёл на экзамен без подарка, если не брать в счет то, что накануне зачета, и уж, тем более экзамена нужно было обязательно понемногу скинуться символической суммой денег на банкет для преподавателей. Щедро накрытый стол хоть как-то их задобрит.

Как это ни казалось странным, раньше них в аудитории оказались Полина Ульяненко и Александр Маркелов, хотя и пришли позже, и их порядковый номер располагался соответственно ниже. В помещении, где проходил экзамен, было жарко несмотря на то, что бесперебойно работал большой напольный вентилятор, а окна распахнуты настежь. Несколько включенных компьютеров, ламинированные полы и пластиковая обивка стен буквально концентрировали жар внутри аудитории, в которую из открытых окон валил горячий воздух улицы. Капли пота стекали по лбу и вискам, волосы и воротник промокли, будто кто-то окатил из душа.

Списать на этом экзамене не составляло труда, даже несмотря на то, что по аудитории постоянно расхаживали аспиранты кафедры и преподаватели. Они как будто не замечали, что студенты неуклюже достают шпаргалки, или сидят в странной позе, глядя будто бы себе на колени, а не в экзаменационный билет. Разумеется, работники кафедры всё прекрасно замечали. Но может ли студент-подстрочник суметь обхитрить на ответе преподавателя – профессионального переводчика, за плечами которого не один год работы за границей? Незнание, даже восполненное скупой подсказкой шпаргалки, быстро вскроется.

Искусство списывания у всех развито по-разному. Бывают такие, которые изобретают довольно хитроумные шпаргалки, практически незаметные для экзаменаторов. У большей части навыки пользования «шпорами» развиты средне. У третьих вообще нет таланта списывания. К таковым относился Арсений – единственный из всех пятерых, сидящих на экзамене, у кого при себе не было шпаргалок. Саша Федорчук тоже списывать не умела, хоть и всегда старательно изготавливала шпаргалки. Пользуясь летним временем и жаркой погодой, она написала мелким бисером печатных буковок сводную таблицу времен английского глагола и вспомогательных частиц прямо на коже бедра. Она так и сидела, тайком под столом приподняв широкий подол бело-фиолетового сарафана из лёгкой ткани, ища нужную графу для ответа на вопрос билета.

Арсений сидел слева от нее, поэтому он и заметил ее способ списывания. Молодой человек сразу же забыл про свой билет, у него вылетели из головы все куцы знания в области английской грамматики, как только он увидел в метре от себя стройную девичью ногу под откинутым подолом юбки. Гладкое загорелое бедро, маленькая голая коленка, рельефная голень с напряжённой под кожей икроножной мышцей, жилы, переходящие со стройной голени в тонкую лодыжку и маленькую, архитектурной утончённости ступню. Девушка внутренним чувством заметила на себе посторонний взгляд. Она подняла свои большие серо-голубые глаза на Арсения. Тот смущенно отвернулся, чувствуя, что покраснелся не только от жары. Странное чувство испытал молодой человек: Александра не слыла писанной красавицей – широколицая, губастенькая, с курносой чуть картошкой носом, ее большие глаза можно было бы считать красивыми, если бы не тяжелые, будто усталые веки. Да и зачем она ему, Арсению? Прямо перед ним сидела та, которая была корнем всех его страданий – Полина. Та уже списала из шпаргалок всё, что можно, и готовилась идти отвечать. На Арсения она лишь пару раз взглянула мельком, после чего начала знаками переговариваться с подругой. Вскоре Полину, вместе с Александром Маркеловым вызвали отвечать. Они «отстрелялись» довольно быстро, и судя по их радостным лицам, получили хорошие оценки. На их место заведующий кафедрой вызвал еще двух человек, после чего переключил внимание на Александра, Арсения и Марка.

- Сашка! Хорош тебе списывать из-под стола! Не тяни резину. – торопил Краснобаев Александру Федорчук, стоя посередине аудитории, заложив руки в карманы брюк.

- Фильштейн и Мороз, вы тоже уже заканчивайте. Переводчик должен соотносить в моменте: не будет у вас времени так долго думать. – нервничал заместитель завкафедрой Виталий Георгиевич Галушко – человек довольно театральный, позёр, старавшийся во всём походить на иностранца, включая телодвижения и жесты.

- Ещё минуту! – сопротивлялся Марк, пытаясь по максимуму выжать всё возможное из своих шпаргалок. Нужно признаться, что хоть в этом он преуспевал – делал их и списывал довольно талантливо.

- Тогда Мороз садится. Хватит на стену смотреть. – не отставал Галушко. – Мороз! Вы меня слышите? Садитесь немедленно отвечать!

Арсений извлёк из своей головы всё, что мог. Сидеть дальше было бессмысленно – ничего нового он всё равно не вспомнит, и шпаргалок у него с собой нет. Юноша был вынужден подчиниться требованию преподавателя, поэтому встал из-за стола, прихватив с собой исписанные бумаги и билеты с экзаменационными заданиями.

- Фильштейн! Минута прошла. – произнес доцент Краснобаев, сверив свои слова с циферблатом наручных часов. – Садитесь к Анне Александровне.

Сам Краснобаев вызвал к себе Александру Федорчук. Всё это слышал Арсений Мороз, неуклюже пытавшийся переводить предложения, но всякий раз нарывался на отрицательное качание головы доцента Галушко. Молодой человек даже еще больше расстроился: Краснобаев, хоть и заведующий, но не придиричив; Анна Александровна Пчелинцева вообще слыла на счету студентов лояльным преподавателем – все хотели к ней попасть на зачёте или экзамене: она мало кому ставила «неуд». Что же касается доцента Галушко, то он считался самым жестким преподавателем кафедры.

- Достаточно! На этом можно заканчивать экзамен. – остановил Арсения преподаватель. За знание грамматики можно было бы с большой натяжкой вам поставить пятьдесят один балл, но вот с переводом вы, Мороз, переборщили. Мы сейчас даже не углубляемся в знание лексики. Бог с ней! Ладно бы вы чего-то не знали: не возбраняется попросить словарь – это нормально. Только не надо придумывать то, чего нет. Вы, не понимая значения слова, начинаете изобретать его значение. Это недопустимо для переводчика! Слово может лечить, а может и убить. Слово может подружить, а может разжечь вражду. Профессия переводчика обязывает создавать дружественную коммуникацию между людьми, а вы своими придумками будете только ссорить. Перевод – это, конечно, не математика, но не настолько мимо, как в вашем случае. Играть в «испорченный телефон» нужно в детском саду, дорогой мой Арсений Николаевич, а не в институте иностранного языка.

Нервным жестом доцент Галушко нарисовал в зачётке студента «36», и поставил небрежную кляксу своей росписи. Экзамен был провален.

- Ну что? На осень? – краем уха услышал заведующий кафедрой, продолжавший мурлыкать Сашу Федорчук.

- Без вариантов, Александр Григорьевич! Пусть приходит пересдавать осенью. – заявил Галушко, вручая Арсению его зачётку с «двойкой».

- Я тоже своего оставлю на осень. Знаний в голове нет. В шпаргалках, откуда он списывал, тоже ничего стоящего не оказалось. – подключилась к разговору Анна Александровна Пчелинцева, беспощадно награждая «неудом» Марка Фильштейна.

- А тебе «тройку»: шестьдесят баллов. Не обижайся, Сашка. Поставил бы тебе от души хорошую «четвёрку», потому что ты знаешь намного больше, чем у тебя там на трусах в шпаргалке написано. За списывание, причем абсолютно бездарное, тебе влеплю «тройбан». – отпускал с экзамена Александру доцент Краснобаев, под столом которого скопилось почти два десятка бутылок различного алкоголя, для складирования которого он притащил из дома

большую спортивную сумку. Он нередко как бы невзначай говорил студентам, что очень уважает французский и армянский коньяк – другие сорта, которые считаются бренди, он не признаёт. Также Краснобаев любил хорошую российскую и украинскую водку, а еще американский бурбон. Строго настрого предостерегал заведующий кафедрой, чтобы ему приносили на экзамен вино – этот напиток он ненавидел.

Так закончился экзамен для Арсения, хотя ещё было два часа до полудня. Выходя из аудитории, молодой человек достал мобильный телефон, чтобы отчитаться маме. Его руки взмокли от волнения, тряслись. Страх от того, что мать бросится в истерику, начнет пить сердечные капли и вызывать скорую помощь, было даже более страшным, чем остаться на осень после провала на экзамене. Ответ в учебной аудитории занимает не более часа – довольно всё быстро закончится. Другое дело провести всё лето с матерью, которая каждый день будет напоминать о постигшем провале.

Арсений уже хотел было найти в телефонной книжке знакомый номер, как увидел ужасное. На том самом диване, где он сидел до захода в аудиторию, Полина Ульяненко мило ворковала с Маркеловым. Девушка трещала без устали, в то время как в общении с Арсением была немногословной. Везунчику Маркелову Полина заглядывала в лицо, поглаживала своими тонкими пальчиками его сильную косматую руку с упругими венками, играющими под кожей. Маркелов заметил Арсения, подмигнул ему и с довольным видом ухмыльнулся.

Нет, не хотел Арсений поздравлять их с успешной сдачей экзамена. Он вообще не желал им счастья. Молодой человек просто бы развернулся и ушёл, но его остановили подружки Полины – Диана и Саша. Вместе с ним они и пошли в буфет первого этажа, попутно досажая Арсению свой болтовнёй, которую сейчас так не хотелось слышать.

От жары и чувства жажды во рту пересохло, губы растрескались. Арсений ограничился только бутылкой газированной воды из холодильника, оставив девушек, которые на радостях начали себе заказывать салаты и хот-доги. С Полиной всё предельно ясно: это абсолютно точный конец. Теперь самое сложное – нужно позвонить домой и сообщить о провале. Выйдя на тихий внутренний двор института, прячась за помойкой и коробами вентиляционных шахт, Арсений Мороз вслушивался в редкие гудки в трубке. О случившемся молодой человек сообщил телеграфным тоном, стараясь не представлять себе перекошенное горем лицо матери. После того, как Арсений всё рассказал, в трубке послышались вопли и рыдания. Мать, едва ли сумев выговаривать слова, приказала сыну немедленно ехать домой.

Через минуты две позвонил отец Арсения, произнес скупые слова утешения и что-то про дачу, стараясь отвлечь сына. На фоне его речи всё еще навзрыд плакала мать. Она перезвонила ему сама еще три раза, предлагая приехать ей самой на кафедру и упротить преподавателей дать возможность сыну пересдать экзамен. Отец тоже вмешался в дело: ультимативным тоном приказал сыну вернуться на кафедру и спросить преподавателей прямо – сколько денег нужно заплатить для получения зачёта? Он уже сам готовился с минуты на минуту идти в отделение банка, чтобы снять необходимую сумму.

Разумеется, Арсений отказался возвращаться на кафедру, тем более с таким вопросом. Мороз старший звонил сыну то и дело, требовал, чтобы тот «становился, наконец, настоящим мужиком» и не боялся прямо поставить вопрос.

Аппарат мобильного телефона разрывался от бесконечных звонков, нагрелся так, что стал обжигать ладонь молодому человеку. У него затекло плечо и локоть от того, что приходилось долго держать трубку у уха. Этот орган тоже начал страдать: появился лёгкий звон. Родители не уставали звонить, мать на протяжении часа продолжала без передышки рыдать, а отец грозился бежать в гараж и заводить свою старенькую «Таврию», чтобы ехать в институт на помощь сыну. Арсению всё это надоело. Расстроенные неудачей сына родители звонили чуть ли не через каждую минуту, желая узнать, как движется дело и что известно нового. Разумеется, ничего в участии юноши не менялось и меняться не могло. Наконец, он выключил телефон,

чтобы больше не слушать истерик домашних. Так стало тише и спокойнее. Можно было даже понаблюдать за однокурсниками, ставшими братьями по несчастью, которым родители звонили из дома, грозились приехать в институт и закатить упрямым преподавателям форменный скандал. Если парни, включая Арсения, стоически принимали провал, то девушек было особенно жалко: они готовились к экзамену как к празднику, наложив тонны косметики, которая сейчас растекалась по их лицам потоками разноцветных слёз.

Арсений на мгновение представил себе возвращение домой. Вот он подходит к дому: у подъезда стоит карета скорой помощи с красным крестом на борту – наверняка это его мать выносят их квартиры то ли живой, то ли мёртвой. Отец крепится, стоически сдерживает чувства. Нет! Этого он, Арсений, сегодня точно не увидит: слишком много на его долю выпало в жизни трудностей – хватит!

Бодрым шагом молодой человек направился куда глаза глядят по улицам города, который уже жарился, словно на раскаленной сковородке несмотря на то, что еще не было и полудня. Шумели, проносящиеся по прямым широким проспектам автомобили, куда-то торопились многочисленные прохожие. Ярко-кислотные вывески, билборды, рекламные растяжки, нарядные манекены и импозантные интерьеры за стеклянными витринами бутиков. Этот ревущий мегаполис как будто в другой реальности, но Арсений не в нём. В вавилонском столпотворении особенно чувствуется одиночество и его отдельный вид – одиночество в толпе.

У въездов в один из дворов молодой человек заметил вывеску магазина «Хозтовары», вход в который располагался в подвальный спуск кирпичной панельки. Спустившись по крутой лестнице вниз, ступая почти на ощупь из-за плохого освещения, Арсений свернул в дверь помещения, из которого лучился лимонно-жёлтый электрический свет. Магазины были наполнены резкими химическими запахами дешёвой резины и пластика. Многочисленные стеллажи были уставлены банками краски, лаков, щётками, кисточками, контейнерами с гвоздями, шурупами, гайками. На решётках болтались инструменты: отвёртки, пассатижи, плоскогубцы, рулетки. Одна из стен была полностью заставлена рулонами клеенки. Тут же продавалась хаотично расставленная садовая мебель и дачные принадлежности. Арсения это всё абсолютно не интересовало. Его внимания привлек стеллаж с верёвками и рыболовными снастями. Больших толстых канатов было довольно немного. Впрочем, они и не нужны: слишком тяжёлые, да и в узел не завяжешь. Мелкие бечёвки довольно хлипкие – порвутся. Молодой человек выбрал плетеную веревку средней толщины, попробовал на крепость – должна выдержать. Прихватив верёвку и кусок хозяйственного мыла на кассе, Арсений выложил в лоток несколько денежных купюр. Немолодая полная продавщица с мелированными волосами, завязанными в хвост и приторно-яркой косметикой на лице, странно взглянула на покупателя, но деньги взяла. Арсений сейчас больше всего не желал лишних расспросов. К счастью, неудобного разговора не произошло. Сложив покупки в сумку-почтальонку, молодой человек направился к выходу.

Через метров триста Арсений увидел знакомую инсталляцию в виде большой зелёной буквы «М»: это был вход в метро. Словно зомби, молодой человек, не замечая никого вокруг, спустился в подземелье гигантского города, концентрируясь только на одном...

Из оцепенения Арсения вывел только голос из репродуктора, объявившего станцию метро «Выдубичи». Внутренний страх давал о себе знать: руки холодели, колени дрожали, зубы стучали, словно при ознобе. За спиной путника захлопнулись автоматические двери вагона, и синий электропоезд, сверкая ярко-жёлтой полосой бортов, с шумом унёсся в черноту тоннеля. Арсений стоял у столба платформы, освещаемый медово-жёлтым светом плитки и ламп вафельного полотка. Это был конец пути: он такой – на этой малолюдной станции метро.

Сердце всё еще боялось, отчаянно билось о грудную клетку, стараясь достучаться до жестокого холодного мозга. Не получилось: Арсений вышел из вестибюля метро и двинул в сторону большой горы, поросшей лесом, что находилась через дорогу. Парень много раз слышал от друзей об этом месте – многие из них, будучи заинтригованные мистическим флёром,

не раз бывали тут. Что касается Арсения, то ни на Лысой горе, ни вообще в этой части города он никогда не бывал. Он брёл, припоминая в голове топографию бумажной карты, где специально искал это место.

Перебежав шумную дорогу, Арсений двинул по узкому тротуара, прижимаясь ближе к зарослям, обрамлявшим Лысую гору. Он делал это машинально, по привычке, хотя сейчас это было абсолютно бессмысленным. Мимо на большой скорости проносились грузовики, обдавая идущего вдоль шоссе путниками клубами пыли и выхлопного газа. Вскоре Арсений свернул в направлении Сапёрной слободки. Тут уже было значительно тише: грохочущий город почти окончательно отступил. Улица дугой шла мимо старых пятиэтажных панелек, деревья палисадников которых за многие десятилетия разрослись так, что их кроны дотянулись до крыш. По другую сторону улицы пейзажи были совсем уж сельские: маленькие одноэтажные и двухэтажные домишки с приусадебными участками за высокими сложными металлическими заборами, разогретыми на солнце так, что от них палило жаром. У хозяев победнее владения были обнесены обычным забором-штакетником. Под сенью яблонь, груш и прочих садовых деревьев кипела своя неторопливая, почти деревенская жизнь – и всё это на окраине такого громадного города с его кипящим бутиками, транспортными развязками, отелями, иностранными посольствами и административными зданиями центра!

Арсений свернул налево – на улицу Столетова. Всё те же деревенские пейзажи: домики, маленькие лавочки с нехитрым ассортиментом товаров, нерасторопной работой строителей, подставлявших жгучему солнцу свои загорело-бронзовые тела. Шаркая кроссовками по выбоинам дороги, молодой человек двигался через проулок в сторону зеленой громады, которая видна тут со всех ракурсов, вздымаясь над Сапёрной слободкой. Где-то за заборами, заливались лаем сторожевые собаки, учуявшие чужака. Дорожка шла чуть вверх. Наконец, слободка расступилась у подножия Лысой горы.

Тропа склона была пологой, поэтому взбираться по ней было нетяжело. Арсений завершал своё паломничество, озираясь кругом. Черно-зеленые заросли американских клёнов, акаций, боярышника, бузины. Хорошо, тихо и прохладно в этом чарующем сумраке, только голоса лесных птиц. Жаль, что раньше не довелось тут побывать. Поднявшись почти на самый верх горы, тоже заросший деревьями, парень очутился о широкой проторённой тропы, которая располагалась перпендикулярно подъему от улицы Столетова. Тут явно часто бывают люди: следы их пребывания видны всюду – мятые жестяные банки, пластиковые пакеты, стеклянные бутылки и прочий мусор. На стволах некоторых деревьев кора была начисто содрана, а обнажившаяся древесина изуродована безобразными граффити. В одно мгновения глаза Арсения уловили какое-то стремительное движение возле корней дерева, стоявшего от него в метрах трёх-четырёх. Довольно толстый чёрный уж с желтенькими пятнышками на боках головы скрывался в валежнике.

Арсений не торопился: ему уже спешить некуда, поэтому можно прогуляться тут, осмотреть эту загадочную Лысую гору. Сперва путник направился налево. Тропа вершина оказалась довольно длинной, и тянулась ободком вокруг самого высокого места на горе. Отсюда из-за тенистых навесов клёнов местами открывался вид на Сапёрную слободку с его маленькими, похожими на игрушечные домики, приплюснутые брусками пятиэтажных панелек, прятавшихся в зеленых джунглях палисадников. Тропа поворачивала все больше на восток, где заканчивалась у крутого обрыва, заросшего непроходимыми зарослями осинника и дебрями кривых американских кленов. На самой вершине лес расступался, и под редкими березами стали видны чёрные раны на изумруде травы – следы костров. Но отсюда открывался хороший вид на сизый от смога город: внизу бежали серыми лентами улицы, сверкала металлом железная дорога. У подножья горы грелись под солнцем шиферные крыши гаражного кооператива. Тут Арсений грустным взглядом последний раз попрощался с родным городом, в котором прожил больше двух десятков лет. Молодой человек пошёл обратно уже по знакомой дороге.

У того места, где он поднялся на гору, Арсений заметил проторённую тропу, бежавшую через редкий лес берёз и невысоких рябинок. Довольно скоро по обоим краям дороги он заметил два резных столба, украшенных разноцветными лентами и вениками из папоротников, крапивы, шиповника и полыни. Между столбами была заметна полоса из кирпичной крошки. Парень не раз слышал, что на Лысой горе собираются язычники: тут даже где-то есть аж целое капище славянских богов.

По-видимому, эти два столба с кирпичной крошкой – своего рода граница священного места. Арсений с интересом прошёл дальше, и вскоре лес окончательно расступился перед громадной поляной, располагавшейся на самой вершине Лысой горы. Посреди зеленого луга с невысокой примятой травой взмывали вверх несколько исполинских идолов, выстроганных из цельных брусков-брёвен. Чуры со строгими деревянными лицами грозно взирали на путника. Но Арсению они были не страшны: он смело пошагал им навстречу, желая рассмотреть капище поближе. Святилище было очерчено неглубоким рвом-канавкой, за которым обнесено бревенчатой оградой. За капищем явно присматривали, ухаживали. На большом жертвенном камне из цельного куска гранита были заметны следы потёков какой-то жидкости, вероятно ритуальной. Тут же были подношения: успевшие иссохнуть букеты цветов, пшено, раскисшие куски яблок, груш, прелые абрикосы. Имелось тут и множество огарков толстенных свеч. На поляне перед идолами следы кострищ.

Арсений обошел капище кругом, поправил разбросанные ветром цветы, затем пошагал по проторенной сквозь высокую траву тропинке в сторону дубравы. Внутренним ощущением подсказывало ему, что тут тоже много чего интересного. Юноша не ошибся: дубрава действительно была местом ритуальных действий, поэтому обнесена частоколом, чтобы лишний раз сюда никто не совался. Ветви дубков, волнистые жесткие листья которых трепетали на лёгком теплом ветру, были украшены разноцветными лентами, бантами, вязанными куколками. На плоских камнях у подножий дубов все те же недогоревшие свечи. Поднявшийся ветер поднял бурю из дубового валежника, которого тут было столь много, что казалось, будто не смотря на святость этого места его никто даже не пытался убрать.

Чуть поодаль от священной дубравы дорожка уходила через заросли высокого, почти в половину человеческого роста папоротника. Его светло-зеленые, щербатые листья, похожие на павлиньи хвосты, бесшумно покачивались в тени деревьев. Тут тянуло прохладой, где-то поодаль слышался шум ручья. А вот и он: родник, бивший из каменистой расщелины. Хрустальные, пахнущие сыростью потоки воды, струились в небольшое урочище, наполненное черноватой водой. Струи родника обрушивались в водоём, взбивали в нем зеленоватую пену, искрились мелкими колючими брызгами, летевшими в лицо и на одежду Арсения. Испарявшаяся с поверхности урочища вода поднималась легким, едва заметным дымком тумана, который окончательно рассеивался у желто-зеленых древесных крон. Само урочище не было замкнутым водоёмом: с одной стороны, оно достигало острой гряды камней, образовывавшей порог, откуда потоки родниковой воды стекали вниз по восточному склону Лысой горы, падая в русло реки Лыбеди. Урочище было неглубоким: в его прозрачной воде легко можно было разглядеть позеленевшие капли, былинки водорослей. На миг Арсению показалось, что в нем он увидел стайку причудливых рыбёшек: оранжево-красных, желто-черных, голубых. У всех них были крупные красивые, узорчатой формы плавники. Неужто это аквариумные рыбки? Как судьба их забросила сюда? Молодой человек поправил очки, наклонился поближе к воде, чтобы рассмотреть стайку, но никаких рыбок не заметил – только хрустальные брызги воды, врезающиеся в камни и колеблющиеся в родниковых потоках водоросли.

В эти минуты Арсению захотелось повернуть всё обратно, резким волевым решением отменить задуманное: так не хотелось понимать, что это чудесное место больше ему никогда не увидеть. Мистическое капище словно излучало что-то неведомое, охватывало со всех сторон путника. Перья папоротников хватили за одежду юношу, ласково гладили кожу его рук, словно

пытались удержать от чего-то, остановить. Не удержавшись, Арсений обернулся в сторону дубравки и папоротников. Растения медленно покачивались, словно помахивая своими листьями-руками, подзывая человека к себе: «Остановись! Ну уходи, друг!» Поднявшийся вновь ветер поднял в воздух ворох дубовых листьев, и швырнул их в лицо молодому человеку. Действительно мистика! Место не отпускало...

Жаль было расставаться и с дубками, и с папоротниками, но юноша твёрдо решил исполнить задуманное. Древние славянские боги словно укоряюще глядели вслед Арсению, и он всем своим существом ощущал этот тяжёлый взор, сверливший спину. Уходя с капища, он напоследок обернулся на деревянные идола. Лица чуров были по-прежнему строги, но не страшны. В них Арсений прочёл некоторое отрицание, несогласие: хозяева этого места, как и дубрава с урочищем, останавливали юношу. Изваяния богов не отбрасывали тени – значит, сейчас ровно полдень. Воля молодого человека была всё еще сильнее. Качнулись цветы шиповника на пограничных столбах капища, когда Арсений возвращался на главную тропу. Такое место даже рука не дрогнет осквернять тем, что он задумал. За пограничными воротами капища прямо по тропинке снова прошмыгнула серебристо-четная извилистая лента. Юноша гневно сплюнул, выругался, уступая змее дорогу.

Теперь оставалось обследовать оставшуюся часть Лысой горы. Дорога, что лежала справа от восхода с улицы Столетова, оказалась короткой. Она упиралась в заросли клёнов и осин, в которых укрывались печальные остатки старинного польского форта. Время, силы природы и грубая рука человека изничтожила этот сторожевой замок, откуда некогда польские воины наблюдали за городом и синей гладью Днепра, по которому медленно плыли челноки торговцев-чумаков. Теперь форт заброшен. Редкий киевлянин знает о его существовании. Плачевные остатки польского владычества навеки скрылись от посторонних глаз в зеленых дебрях Лысой горы. Тут же, рядом с ними навеки сгинет с белого света Арсений Мороз: вдали от посторонних глаз, всеми забытый и никем нелюбимый, для которого не нашлось места в исполинском городе Киеве, да и вообще на этой планете.

Молодой человек неторопливо бродил кругами у стен разрушенного польского форта, выбирая дерево так, чтобы у него сучья были крепче. Нужно было подобрать место так, чтобы его, после содеянного, как можно быстрее обнаружили: не хотелось лишний раз пугать людей телом, над которым поигрались первозданные силы природы. Неторопливо прошелся он по каменистым арочным пролётам мостиков, пробрался в расщелины стен, побродил по уступам узких крутых лесенок. Вдруг ему показалось, что он тут не один: как будто кто-то невидимый за ним наблюдал со стороны. Это таинственный наблюдатель иногда шуршал зарослями полыни, разросшейся на развалинах форта, швырялся орехами лещины, скатывал по ступеням мелкие камешки. Юноше приходилось всё время оборачиваться, чтобы поймать глазами этого недружелюбного наглеца, но всякий раз тот умело скрывался. «Ветер и воображение разыгрались!» - махнул рукой молодой человек, продолжая подыскивать удобное для совершения самоубийства место. Так Арсений присмотрел старый вяз у оврага, дно которого заросло крапивой. Рядом с вязом было поваленное дерево. Юноша вытащил из сумки-почтальонки купленные в магазине веревку, мыло, бутылку с недопитой минеральной водой. Теперь осталось намылить веревку, как следует, для лучшего скольжения, завязать удавку и прикрепить узел к ветке вяза. Нужно только суметь дотянуться до верха. Арсений, присматриваясь к поваленному дереву, по которому можно долезть до нужного сука, нацепил куртку, в кармане которой лежала предсмертная записка: в куртке она сохранится наилучшим образом. Держа в одной руке намыленную верёвку, а другой придерживаясь за ствол вяза, Арсений карабкался к суку. Наконец, накинул верёвку.

Невдалеке слышался шум, будто кто-то продирался через заросли крапивы на дне оврага.

- Молодой человек! Не прикидывайтесь кипарисом: вы весите порядка килограммов восьмидесяти, поэтому эта верёвка вас не выдержит. К тому же мне случайно довелось стать свидетелем того, как вы неумело вяжете узлы. А если учитывать, что этот вяз довольно старый и уже начал сохнуть, то выбранный вами сук, отруби мне голову, обломится. Одним словом, кроме поломанных костей и крапивных ожогов вы ничего не получится. Определенно точно, когда ветка под тяжестью вашего веса обломится, вы, юноша свалитесь вот в этот овраг. Как долго придется лежать в яме с крапивой с переломанными руками и ногами, прежде чем вас обнаружат? Как думаете?

Застигнутый врасплох на дереве Арсений повернул голову. Неподалёку от него на перекрёстке тропинок стоял короткостриженный мужчина среднего роста. На нем была расстёгнутая черная, отливающая серебристыми бликами клеёчатая куртка, под которой виднелась желтая с широкими поперечными белыми полосами то ли футболка, то ли свитер. Штанины ярко-голубых джинсов были обужены у щиколоток, образ дополняли белые кроссовки. Незнакомец опирался на корявую слегу.

- Вы за мной следили? И что вам от меня надо? И с чего вообще вы, *шановный*, решили, что я собираюсь вешаться? – взволнованным голосом, подавляя волнение, ответил вопросом на вопрос Арсений, всё еще пребывая в дурацкой позе на дереве со скрученной верёвкой в руках.

- Зачем мне за вами следить? Я тут просто гуляю в тишине и одиночестве, предаюсь собственным мыслям, а тут вы, мой друг, лазаете по деревьям. С вашего позволения сделаю ещё одну ремарку: не нужно быть Вольфом Мессингом, чтобы догадаться о ваших намерениях. Один в глухом безлюдном месте, воняющий страхом, белым вином и животной плотью... А намыленная верёвка, скученная в удавку вам зачем? Да еще какой-то листок бумаги в карман куртки положили: наверное, это предсмертная записка.

Впрочем, романтика – это удел молодости. Должно быть вам не более тридцати лет. Столь манерный способ ухода из жизни характерен для людей вашего возраста. Старики, или люди, возраст которых перевалил за пятьдесят лет, кончают с собой куда более прозаично. Прожитые годы придают жизни блёклость, пресность. Обычное времяпрепровождение таких людей – дачные заботы, телевизор, радиоспектакли, рассада на подоконнике, сплетни. Поэтому зрелые люди, заболев, скажем, раком или чем-то еще неизлечимым, выбирают такой же невнятный способ самоубийства: надышаться бытовым газом из духовки, или выхлопными в гараже. Вид тоже такой себе: драные домашние тренировочные штаны, стоптанные тапочки... Это всё так нелепо! Молодые уходят из жизни ярко, эффектно, театрально: драматически броситься с крыши в дорогом костюме, или напиться таблетками под любимую песню, льющуюся из магнитофона... Вы тоже выбрали неплохой метод: старый польский форт, внизу плещутся воды Днепра, таинственная гора с языческим капищем, и именно там обнаружат ваш труп.

Незнакомец в чёрной куртке основательно увлёкся рефлексированием, с мечтательным видом опираясь на слегу. Он буквально смаковал, описывая подробности способов самоубийства. Арсению этот человек показался редкостным наглецом, который здесь и сейчас издевается на нем, устроил посмешище из его личной трагедии. И откуда он знает о белом вине и «плотской пище»?

- Вы – мерзавец! Насмехаться над теми, кто стоит на краю пропасти – высшая мера жестокости! А если вы устроили весь этот спектакль для того, чтобы остановить меня, то зря стараетесь: видал я все эти приёмчики в кино! – разозлился парень.

- Избавьтесь от привычки бросаться словами, мой друг: слово может лечить, и оно же может убить. Хорошо взвесьте то, что хотите произнести. Если же ваша голова надумала дурное, то хоть язык завяжите в узел, иначе дальше руки приложатся к совершению нехорошего. – отчитал юношу надменный незнакомец. Арсений уже слышал сегодня эту самую фразу о возможности обычного слова. Он понял, что в этот день уйти из жизни ему точно не дадут.

- Не понимаю при чём тут белое вино? – зацепился за разговор со странным типом Арсений, спустившись с дерева.

- Он вас пахнет белым вином, и, кажется... салом? Это вкусно, но рискованно: сочетание спирта и плоти искривляет мысли и привлекает косматых, поэтому вам сегодня следовало бы быть особенно внимательным. – Спокойно и весьма уверенно заявил мужчина.

- Простите что?! Что вы городите? Уж кто из нас пьян, так это вы! – огрызнулся Арсений, сокращая расстояние с незнакомцем. Так лучше его рассмотреть: правильной формы череп с короткой стрижкой черных волос. Возраст мужчины было определить затруднительно: на вскидку то ли тридцать, то ли целых сорок с лишним лет. Насмешливые, редко моргающие карие с желтизной глаза, прямой, правильной формы нос и губы, ровный ряд белых зубов.

- Что еще за «косматые»? – напирал на навязчивого типа молодой человек.

- Вы забежали слишком далеко вперед. Это к тому, что, разговаривая с вами, я ни разу не попытался отговорить вас от самоубийства. Просто я любопытный человек: гуляю тут, а вдруг молодой парень пытается удавиться на дереве: вот и стало интересно, что его подвело к этой черте? Маловероятно, что на такой шаг вас сподвигла тяжёлая болезнь – возраст не тот, чтобы занимать такие болячки, да и на больного человека вы не похожи. Скорее всего причина банальная: неразделенная любовь, отчисление из института или смерть родителей. Хотя, откуда мне знать? Это только мои догадки.

Хочу попросить у вас прощение за то, что так нагло вторгся в вашу жизнь, затронул что-то сокровенное в вашем сердце. Просто мне нечасто приходится с кем-либо поболтать просто так, как с вами сегодня. Если твёрдо решили повеситься, то будьте ласковы – дерзайте! Только дерево и верёвку покрепче нужно выбрать, и научиться вязать узлы. Видя то, вы пытались ваять, смело могу утверждать, что на морфлоте вы не служили, на «мореходке» или в речном училище не учились. Соответственно из всех видов морских узлов умеете вязать только один единственный – так называемый «бабий».

Еще раз простите меня, *шановный*! Не смею отнимать ваше время. Можем поговорить потом, когда повеситесь. Я не тороплю вас! С «косматыми» скоро познакомитесь... вернее они сами с вами познакомятся... только не пугайтесь. Первое время, трудно сдерживать страх, но со временем вы привыкните к ним и даже найдёте способы уворачиваться от встреч с ними. – многословно извинялся странный мужчина, приложив руку к груди.

- А вы чудак! – рассмеялся молодой человек, не слышав ни от кого ничего более нелепого. – Вы меня тоже простите, *шановный*, если чем обидел. Наверное, я сегодня был груб с вами. Уж не держите зла на меня: вы появились столь неожиданно, что иной реакции у меня не могло возникнуть.

- Тогда будем знакомы! Виктор! – улыбнулся незнакомец, протягивая руку юноше.

- Арсений. – поздоровался молодой человек, пожав в ответ ладонь чудаку в черной куртке. Его рука оказалась крепкой, холодной, будто пальцы слеплены из снега или льда.

- Получается Сенья? – переспросил мужчина.

- Обычно меня так все и называют.

- Тогда пройдемся тут по округе? Ты не против? Заодно и расскажешь о том, что тебя привело в это место. – Тут же предложил Виктор, увлекая юношу на прогулку в сторону польского форта. Так завязался долгий разговор. Мужчина, задавая наводящие вопросы, больше слушал, нежели говорил, как будто давая парню выговориться. Прохаживаясь по руинам парадных залов польской крепости, над которыми теперь вместо арочных расписных потолков нависали переплетенные кроны деревьев и голубое небо, в гуляющих вновь полетели зеленые завязи лещины, опять кто-то крался по зарослям полыни, скатывал вниз камешки. Арсений для себя решил, что в тот раз это был не Виктор, раз если он идет с ним, но, тем не менее, это продолжается. Значит, тут есть кто-то третий? Новый знакомец, кажись, тоже заметил странность: даже несколько раз обернулся в сторону источника шума, чтобы цыкнуть. Даже пару раз что-

то пробормотал на каком-то шипящем языке, похожем на польский. После этого всё стихло: старая польская крепость вновь погрузилась в свой вечный безмятежный покой.

Прогулка по Лысой горе была неторопливая. Тем более, что Виктор несколько прихрамывал на левую ногу, отчего и ходил, опираясь на палку. Двое почти дошли до капища, когда Виктор, дойдя до пограничья, цыкнул, отпрянув от украшенных столбов.

- Давай обратно! – увлёк он юношу назад к главной тропе, после чего стал резюмировать. – Как мне видится, неразделенная любовь – это жалкий пустяк. С кем не бывает?! Подумаешь: жопой об жопу ударились и разбежались! Тяжелее, конечно, когда между парнем и девушкой уже что-то было посерьёзнее вздохов на скамейке и хождения за ручку в кино. Когда изменяет супруг или супруга – это уже повышение ставок: между вами многое произошло, вы переплелись корнями, которые больно рвать. Отсутствие любви между мужем и женой – это почва для измены, а такое пережить тяжело. Но и это не самое страшное в жизни: жён в нашей жизни может быть сколько угодно – с одной развёлся, с другой сошёлся. А вот смерть родителей уже хуже развода или измены жены: новых родителей мы уже никогда не обретём, боль от потери матери или отца такая, что кажется, что лучше бы ты вместо них умер. Оно и понятно: родители с нами с самого рождения, мы привыкаем к их существованию как к нечто само собой разумеющемуся и отчаиваемся, когда их теряем навсегда. Это тебе не супруга: *жизинка* – дело наживное. Хочешь – приводи ее в дом, а хочешь – пинком под сраку выстави.

Но есть еще самое страшное – это смерть детей. Любовь, романтика, женитьба – это всё меркнет перед твоим естественным продолжением. Дети – это и есть главная цель любовных походов, любовных страданий и вообще всей супружеской жизни. Жена? Пропави она пропадом, но, главное, чтобы твоя плоть и кровь в лице детей была благополучна. Их смерть – это автоматически и смерть тебя самого. Ты можешь ходить на работу, здороваться с соседями, перезваниваться с друзьями, ездить в отпуск на море, но ты уже мёртв, ибо за тобой нет продолжения. Ты вышел из ничего, твоя предтеча – родители в могиле, и твоё будущее – дети тоже в могиле. Тогда и повеситься не страшно!

- Значит, я показал себя как хлюпик на самом простом. Если рационально рассуждать, то ты, Виктор, прав: можно найти другую девушку. На Полине что ли свет клином сошёлся? Но забыть её... и спокойно наблюдать за тем, как она радуется жизни вместе с другим? Мы ведь учимся в одном институте!

- А это уже не любовь, а чувство обиды и ревности, мой друг! – остановившись на перекрестке у спуска с Лысой горы, авторитетно заявил Виктор, взглянув своими жёлто-кариими глазами в лицо юноше. – Понимаю тебя! Такое тяжело пережить, даже не наблюдая за их счастьем, а еще хуже наблюдать его. В этом случае могу посоветовать тебе только одно – убить Полину и её дружка. Лучше, конечно, отравить, обставив дело так, что их смерть – результат трагического стечения обстоятельств. Ты же понимаешь, Сень, что просто зашибить их кирпичом по голове или зарезать в подворотне – на вариант. Милиция довольно быстро найдёт убийцу – они на этих делах собаку съели. Не зря же стражи порядка звёзды на погонах носят и хлеб получают!

- Как это убить? Ты в своём уме, Виктор? Ты меня пугаешь. – насторожился Арсений, обернувшись к новому знакомому.

- Не хочешь – не убивай. – спокойно ответил мужчина. – Конечно трудно свыкнуться с тем, что твоя любимая в руках врага. Ты открыл ей сердце, бегал за ней, как собачка, а жестокая особа тебя не за ушком чешет, а по голове кулаком! Кулаком! А как представишь ее в объятиях избранника, так клумбы цветов любви в душе сгорают в костре гнева.

- Не могу с тобой не согласиться. Но убийство...

- А что в нем такого? Все люди мрут. Кто-то умирает в постели, кто-то гибнет в автоавариях, кто-то тонет или сгорает в пожаре. А есть такие, кто или на себя руки накладывают, или

другого... того... - провёл пальцем по горлу Виктор. – Или ты верующий? Боишься посмертного наказания?

- Я крещенный, но особо во все эти дела не верю. – ответил Арсений, который хоть и был в младенчестве крещен в православной церкви, но в сознательной жизни являлся человеком маловерным и в церковь не ходил.

- Ты баптист что ли? – удивился Виктор.

- Почему? С чего ты взял?

- Видал я таких. Они обеты дают – клятву. С полным пониманием принимают крещение в реке или озере каком-нибудь. А когда тебя маленького и кричащего приносят в церковь, то ты сам никаких клятв не произносишь – их произносят за тебя, что делает обряд недействительным. Иными словами, если ты не произносил с полной осознанностью клятв и не давал обетов, то и христианином ты не считаешься. У меня такой начальник в свое время был: баптист, детей у него четверо, сам не пил и не курил.

- Тогда я и не христианин. – кивнул головой Арсений.

- Это правильно, что ты не доверяешь всем этим попам... ксендзам... - с недоверием посмотрел Виктор в сторону развалин польской крепости. – Они сами не знают о чём говорят и при этом убеждают людей в том, что никогда не видели, и не так, как надо, понимают. Но уж если ты не боишься потусторонней кары за человекоубийство, то какие проблемы? Остается обтяпать дело так, чтобы милиция не докопалась.

Вот я! С своё время столкнулся с тем, что жена мне изменяла. Да было бы это только единственной проблемой: она делала всё, чтобы моя жизнь стала невыносимой. Поэтому я ее и отравил. – похвалился Виктор.

- Что?! Ты?! Прямо насмерть?! – удивился столь откровенному заявлению Арсений. Ему показалось даже, что Виктор отнюдь не жалел о содеянном, и даже хвастался своим поступком.

- Та да. Прямо насмерть. Ты удивлён, мой друг? А я тебе честно и открыто говорю об этом: моя жена уже много лет как в могиле, потому что я ее туда свёл.

- И милиция до тебя не добралась?

- Не поймали они меня. Если хочешь, то расскажу тебе об этом. Даже полезно будет: заодно обмозгуешь вариант с отравлением Полины и Маркелова, прежде чем снова решишь лезть в петлю.

- Тогда почему у тебя на пальце обручальное кольцо? – озадачился Арсений, так как у Виктора на правом безымянном пальце действительно было обручальное кольцо из червлёного золота с серебряным ободком. Его он носил именно на правой руке, а не на левой, как положено вдовцу.

- Не мой это выбор его носить. – Тяжко вздохнул Виктор. – Но если хочешь поносить его вместо меня, то даю на время. Носи на здоровье, друг. Только потом не забудь мне вернуть.

Будто заколдованный Арсений протянул руки к обручальному кольцу женоубийцы. И, сам не понимая, как такое могло произойти с ним, надел на свой безымянный палец левой руки.

- Ну, что, Сеня? Теперь по домам? – повел юношу по тропе с Лысой горы Виктор. - Ты где живешь? В институтском общежитии?

- Да, нет. Я с родителями тут, в Киеве живу.

- И родился тут?

- Тут!

- Я тоже в Киеве родился и живу тут. Так тебе куда? Ты не ответил.

- В Деснянский район. Мне на метро до конечной.

- До «Пионерской», стало быть.

- Так на «Лесной» я живу – она и конечная.

- «Лесная»? – удивился Виктор, будто первый раз слышит это название. Между тем, Арсений вспомнил, что его родители часто называют станцию метро, ближе всего расположенному к их дому на старый советский манер – «Пионерская», а предыдущую «Черниговскую» - «Комсомольской».

- Ну, «Пионерская», короче говоря. Она же «Лесная».

- А я на «Комсомольской» живу. Мой дом недалеко от гостиницы «Братислава». – ответил Виктор.

- Так «Комсомольская» - это сейчас «Черниговская»? – поправил Арсений.

- Забываю! До сих пор не могу привыкнуть к этим переименованиям в нашем городе! – постучал себе пальцем по голове Виктор, который неожиданно прибавил скорость шага, и его хромота куда-то совершенно пропала. Он даже бросил в овраг свою слегу.

Новые знакомые болтали всю дорогу о всяких пустяках: институте, футболе, женщинах, автомобилях. Виктор с радостью рассказывал о своей службе на флоте, где был корабельным коком, имея диплом выпускника кулинарного техникума. В многочисленном суетном киевском метро люди только странно поглядывали на мужчин взглядом полным недоумения. Кто-то хихикал, другие крутили у виска пальцем, третьи останавливались и ещё долго глядели мужчинам вслед.

Между тем, синий электропоезд неся по рельсам метромоста через Днепр. Виды открывались шикарные. Дальше – по левому берегу реки, пересекающей Киев с севера на юг, такие же живописные пейзажи, которыми можно любоваться, проезжая по этому, лежащему на поверхности участку метро. Напротив мужчин разместились две девушки в легких летних платьицах, выгодно обнажающими их хрупкие бронзовокожие плечи, голые колени, точеные икры, загорелые ступни в легких, сплетенных из золотистых ремешков сандалий. Девушки тайком наблюдали за соседями по вагону, стараясь это делать как можно более незаметно. Арсений замечал, что незнакомки едва сдерживали порыв смеха, прислушиваясь к их мужской беседе. Они прикрывали рот ладонями, то и дело прыскали смешками. Но больше всего они глядели на него, на Арсения, будто напрочь не замечая Виктора.

- Красивые *дивчины*! – громко вслух заявил Виктор. – Тебе какая больше нравится: темненькая или светленькая?

- Да они же нас слышат! – волновался Арсений.

- Мне темненькая нравится больше. – продолжал Виктор, несколько не стесняясь девушек. – А у блондиночки сиськи побольше будут! Правда?

- Да! У блондинки сиськи – отпад! – согласился молодой человек, отчего услышавшая комментарий незнакомка со светло-русыми волосами покраснела от стыда и отвернулась.

- Ножки тоже ничего! – нахваливал девушек Виктор.

- И ножки красивые! Загорелые! – поддерживал нового друга Арсений.

Поезд подъезжал к платформе станции «Черниговская», которую Виктор называл «Комсомольская». Он должен был тут выходить.

- Ну, давай! Приятно было с тобой познакомиться и пообщаться, Сеня. Можем так с тобой видаться периодически: заходи почаще на Лысую гору – меня там часто можно застать. Мы заболтались, и я совсем не успел тебе рассказать о том, как и за что я отравил свою жену. – прощался Виктор, протянув Арсению свою ледяную ладонь.

- А телефон у тебя есть? – хотел обменяться номерами мобильных юноша.

- А где их сейчас нет? В каждой квартире стоит аппарат! – вновь отчебучил что-то странное Виктор. – Ты приходи, Сень. Может, надумаешь отравить свою Полину и ее ухажёра. А я дам совет как лучше это сделать.

Поезд остановился. Двери открылись, и Виктор вышел.

- А кольцо?! – вспомнил вдруг Арсений об обручальном кольце друга, который тот ему дал поносить. Однако, двери вагона уже захлопнулись, и поезд умчался в сторону конечной

станции «Лесная». Вместе с молодым человеком остались те же две девицы, которые тоже ехали до конечной. Вышли они вместе. Уже на платформе незнакомые красавицы принялись рассматривать Арсения, а потом дружно расхохотались, хватаясь за животы, будто молодой человек был не просто случайным попутчиком, а комиком.

Глава 2

Арсений не верил в успех последнего экзамена сессии, поэтому заранее для себя решил, что на него он не поедет. Для отвода глаз он разве что делал вид, будто готовится к нему. Утром в среду вместо привычного маршрута до института, путь Арсения лежал до станции метро «Выдубичи», а оттуда до уже знакомой Лысой горы. Поднимаясь по склону горы, дорогу юноше перелетела странная птица – небольшая по размерам, но Арсению показалось, что ее перышки были желто-зеленые, словно это был попугайчик. Откуда тропической птице взяться в Киеве? Если только какой-то нерадивый хозяин мог случайно выпустить питомца из клетки. Но тогда попугая несдобровать: мало для него подходящей пищи в лесах у берегов Днепра, а еще вороны, кошки и зима.

Птица куда-то упорхнула, скрывшись в зарослях серебристо-зеленых лип, пропахших медовыми ароматами, а Арсений побрёл дальше. Мысли о чудаковатом новом знакомом, с которым он странным образом встретился и странным образом разошёлся, не отпускали молодого человека. Не менее странным оказалось то обстоятельство, что уже в ранние утренние часы Виктор снова прохаживался по тенистым дорожкам среди зеленых дебрей. Арсения он заметил издали, стоя всё в той же черной куртке, желтой майке, голубых джинсах и белых кроссовках. Опять, непонятно за чем, он таскал с собой повсюду корявую клюку несмотря на то, что его хромота тут же исчезала, стоило только Виктору шагнуть за пределы Лысой горы.

Мужчина приветливо улыбался, даже помахал рукой. Арсений направился к перекрёстку тропинок, где стоял новый друг, протянул в знак приветствия руку. Ладонь Виктора была такой же холодной, бело-пергаментного цвета, с аккуратно подстриженными сине-фиолетовыми ногтями.

- Ты так быстро выбежал из вагона, что я не успел тебя догнать и взять твой номер телефона. – первым делом заявил Арсений мужчине.

- Я же тебе говорил: никакой необходимости в телефоне нет – меня можно нередко встретить тут. На крайний случай и у метро ... «Черниговская». – сделал паузу, припоминая в голове новое название станции, ответил Виктор.

- Ну, мобильный телефон у тебя хоть есть? Какой у тебя оператор? – настаивал на своём молодой человек.

- Что еще за оператор? – удивился мужчина.

- Оператор связи. «УМС»? «Киев-стар»?

- Аааа! Ты всё про телефонную связь?! – сообразил, наконец, Виктор. – Так обычная городская АТС же!

- Понятно... - вздохнул Арсений: у Виктора просто нет личного мобильного телефона, как у большинства пенсионеров, людей возраста его родителей или у приезжих из провинции. Но мужчина выглядел достаточно молодым, тем более еще и киевлянин – житель столицы, где мобильная связь в принципе работает довольно с хорошим покрытием, и причем стабильно.

Виктор, потеряв интерес к техническим вопросам, сразу перешел к делу.

- Ну, и как все прошло? Дома сильно ругали?

- Как я и предполагал, мама скорую помощь всё же вызывала...

Виктор не дал договорить Арсению, а только снисходительно махнул рукой:

- И доктора ее наверняка облаяли?

- Разумеется...

- Очень сознательные доктора! Так и надо! – одобрительно отозвался Виктор. – Вот видишь!

- Зато на пороге квартиры она мне чуть на голову миску с салатом не надела.

- Ну, не надела же?

- Не надела. Но в ее руках уже был тазик с оливье, которым она мне хотела морду вымазать за то, что я провалился на экзамене.

- Бывает, Сень! У меня тоже такое бывало, когда я из школы двойку принесу или в техникуме заваливался на зачете. Дома такое творилось! И дрались, и скорую вызывали, и причитающиеся мне за хорошую оценку пироги из окна выбрасывали, если я не оправдывал ожидания старших. Однажды так мамка стопку блинов в унитаз спустила, которые еще не так давно пекла. А отец в наказание шилом мой любимый мяч проткнул, когда узнал, что я на инженера не пошел поступать, а подал документы в кулинарный техникум.

- И что в этом плохого?

- Он всегда говорил, что стоять у плиты – это женская работа. Мол, повар – это профессия не для хлопца. Потом смирился и даже был рад, когда мне пришла повестка из военкомата, и меня забирали служить коком на балтийский флот.

Арсений уже не первый раз слышал от Виктора, что он даже успел послужить в армии. Но про какое время он говорит? Как он мог служить на балтийском флоте, если является гражданином Украины? Или он живёт в России, и в Киев приехал, чтобы навестить родные места? По крайней мере, поговору Виктор был явно хохол, скорее всего из коронных киевлян – выдавало произношение «г» на русский манер, а не среднестатистический украинский. Молодой человек поглядел на своего собеседника и ему показалось, что он сегодня выглядит на лет двадцать старше, чем несколько дней назад. Между тем, Виктор продолжал интересоваться подробностями жизни Арсения?

- А что насчет футбола? Ты вроде как поспорил со своим другом?

- Проиграл он спор. Россия победила Грецию. Но, думаю, против Нидерландов уже не продержатся, хотя у них сейчас тренер – голландец: может, посвятит сборную в секреты тайной кухни европейского футбола.

- У нас тренер голландец? – удивился Виктор. Теперь Арсению стало окончательно ясно, что его новый знакомый – выходец из России.

- А ты не знал?

- Как-то не увлекался никогда ни футболом, ни хоккеем. – ответил Виктор.

- Та да! Далеко не все интересуются футболом.

- А что у тебя с Полиной? Помирились? Оставила она своего мордоворота?

- Понятия не имею. С той пятницы я ее не видел. Сегодня на экзамен вообще не поехал – знаю, что провалю.

- Нужно испробовать все возможные шансы, Сень. Может быть, у *дивчины* глаза откроются, наконец? Если нет, тогда уж придётся в ее отношении действовать крайне жёстко. Но пока попробуй как-то поговорить с ней что ли... или увлечь чем.

- Вить! Ты всё еще продолжаешь про эту ерунду с отравлением?

- Это не ерунда. В свое время я до последнего надеялся, что у меня с женой все наладится, но ошибался. Чем дальше, тем становилось хуже, поэтому я и решил отравить ее.

- И отравил...

- Отравил!

- Насмерть?

- Та да! Насмерть! Если не веришь, то расскажу.

Так Виктор, неспешно прогуливаясь по тропинкам Лысой горы в компании Арсения пустился в рассказ об отравлении своей жены. Надо признаться, что Арсений хоть до конца не

верил в байки этого чудака, но эта история с самого первого дня знакомства не давала покоя парню.

- Женился я довольно поздно, в чём нужно признаться. С *дивчинами* у меня никогда ничего не клеилось. Уходя в армию, я был одиноким: любовных писем мне никто не писал. После дембеля по традиции наступает время свадеб, затем прощание с юношеством и привет, взрослая жизнь. Эти процедуры прошли мимо меня. Сразу после возвращения домой я устроился в один ресторанчик на Русановке. Поваром я всегда считался отменным: еще до получения диплома меня брали на обслуживание банкетов. Главным моим козырем было то, что помимо штатной работы в горячем и холодном цехах кухни, я еще неплохо освоил премудрости кондитерского дела, а это считается вершиной кулинарного искусства. Слухи о моих способностях поползли довольно быстро, и уже через годок мне предложили непильную, но жирную работу на пищеблоке одного НИИ в Днепровском районе Киева. Честно говоря, мне особо не хотелось переходить туда. Что там ловить? Хоронить свой талант в заурядном буфете закрытого института? Подкупило меня то, зарплату обещали побольше, чем в ресторане на Русановке. К тому же при этом НИИ часто проводились всевозможные банкеты, где присутствовали учёные первой величины, шишки из партийного руководства, поэтому частенько к зарплате полагался конвертик с деньгами. А, самое главное, что пищеблок был закрытым, как и всё НИИ, поэтому не стоило опасаться проверок гигиенистов, саннадзора, профсоюзной или трудовой инспекции... это я помимо прочего говорю: за мной лично никогда не водилась халтура и нечистоплотность, хотя повара сплошь и рядом готовят грязно и из тухлятины. Одним словом, предложение оказалось стоящее. Думал, что поработаю года три-пять, поднакоплю денег, а потом рвану куда-то еще, в более интересное заведение.

Так я перешел на новую работу, стал шиковать: покупал импортные шмотки, обзавелся первым в своей жизни автомобилем – ярко-красной «восьмёркой». Ну, и сам понимаешь: повар никогда голодным не останется, а то и вовсе домой с работы с сумками, полными продуктов, приходит.

Вскоре я познакомился с Лесей... миловидная с виду *дивчина*: высоконькая, худенькая, белокурая, с тоненьким голоском и нежными пухлыми губами. Она была на четыре года моложе меня, сразу после института распределилась бухгалтером на ткацкую фабрику. Скажу так, что фабрика эта была задрипозная, как и тряпьё, которое они выпускали. Таким же дном была тамошняя бухгалтерия, зарплата в которой курам на смех. Тем не менее, Леся гордилась, что имеет институтский диплом экономиста.

Квартиру нам дали от НИИ в Деснянском районе – тоже недалеко от моего места работы, даже несмотря на то, что детей у нас пока не было. Забегая вперед, скажу, что их у нас так и не будет.

Сначала шло все как у всех. Я не мог нарадоваться, что, наконец, женился на девушке, о которой мечтали бы многие мужчины. Впрочем, мне нередко завидовали – внешние данные у моей *жсинки* были дай Бог! Зато никто не видел какова она была дома, а это крошечный ад. Готовить Леся не умела, во всем на поводу шла у своей мамы, которая постоянно ошивалась у нас дома. А еще у Леся были две подруги – одна из них совершенно омерзительная стерва по имени Стелла, и довольно замечательная и добрая Маша. Ужасно то, что Маша практически не имела влияния на мою жену, зато таковое было у Стеллы. К тому же Леся была лентяйкой и неряхой, отчего у нас в квартире завелись полчища тараканов. Ладно бы только на кухне, но они стали пробираться и в комнаты. Еще бы: Леся порой ела прямо в киснувшей целый день неприбранной постели, ссылая крошки на ковер и простыню. Туалет и ванная комнаты стали почти как на вокзале.

Где-то через полгода наши отношения стали стремительно охладевать, а потом я стал подозревать, что Леся мне изменяет. Я кожей чувствовал, как я для нее опостылел, стал отвратителен. Она постоянно искала повод, чтобы лишний раз меня чем-то задеть, ужалить. Посто-

янно попрекала меня, что у меня не было высшего образования, и делаю я все вечно не так, как она хотела. Даже то, что мы жили в достатке, ели дефицитные товары, никак не отражалось на ее отношении ко мне. С каждым разом становилось все хуже: ее подруга Стелла стала навещать в наш дом чаще и чаще, и, сидя на кухне, они чесали языки о мужиках и обсмеивали меня, хотя я в это время мог находиться в соседней комнате и все слышать.

- Тогда нужно разводиться! Не! Такая *жизинка* нафиг не нужна! – поддерживал разговор Арсений. – А хахаль у нее всё же был?

- Вот слушай дальше... Я действительно решил развестись с Лесей. Меня даже не пугало то, что полученной квартиры лишусь. Что касается любовника, то он был... знаешь кто?

- Никогда не догадаюсь! – ответил Арсений, ибо информации об этом у него не было совершенно никакой.

- Муженёк Маши! Вот так! Она изменяла мне с муженьком своей лучшей подруги, причем Стелла была об этом в курсе.

- Жестоко они обошлись со своей подругой. Маша не догадывалась?

- Догадывалась, что этот напыщенный тип ей изменяет, только искала не там: ей было невдомёк, что обман настолько рядом.

Я узнал о личности разлучника совершенно случайно. Одним ясным весенним днем меня начальник отпустил домой пораньше: я для него и его семьи достал несколько комплектов финской джинсы. А ведь мой шеф был многодетный, а еще баптист: у него аж четверо детей было. Сам он – член партии, только про то, что баптист в анкете не указал, написав, как и многие – «атеист», чтобы отстали. Вот за мою услугу он меня похвалил и отпустил около полудня: «Спасибо тебе, Железняк! Хорошие вещи достал! Отдыхай на сегодня!»

- Железняк? – переспросил Арсений.

- Так! Это моя фамилия. Так меня зовут: Виктор Устимович Железняк. Иногда меня называли «вужем» - по первым буквам имени. К слову, жена мою фамилию так и не взяла: ее так и похоронили с табличкой на фамилию Шевкуненко на могиле... если так правомочно сказать... - будто сомневался в своих словах рассказчик.

Арсений еще разок рассмотрел своего знакомого. На этот раз он ему показался довольно молодым – не более тридцати лет, хотя мужчина явно рассказывает о событиях, произошедших, как минимум, в восьмидесятые годы. Неужто его друг так хорошо с тех пор сохранился?

В облике Виктора действительно было что-то змеиное: эти янтарно-карие хитрые глаза, стрижка «ежом», делавшая его череп, похожим на змеиную голову, плюс черная с серебристым отливом куртка, словно змеиная кожа, а еще и желтая майка вместо такого же цвета пятнышек на голове ужа – или по-украински «вужа». Только ужики – вполне безобидные, неядовитые и абсолютно неопасные для человека змейки, а этот тип с радостным и довольным видом пустился в рассказ о том, как уложил в могилу свою жену.

- На радостях я подкатил на своей «восьмерке» к дому. Поднимаюсь на этаж, дверь оказалась не заперта. Из коридора слышится плеск воды в ванной комнате и два голоса: один из них принадлежал Лесе, другой, кажись тоже знакомый. На вешалке при входе висело мужское, надушенное одеколоном пальто, на рогах – шляпа, на табурете у телефонного аппарата кожаный портфель, на коврик в прихожей – мужские туфли большого размера. Я сунул руку в карман пальто и вытащил оттуда служебное удостоверение и пропуск на ткацкую фабрику на имя некого Олега Петровича Лещука. О его существовании я знал: это муж подруги моей жены – Марии Лещук.

В это время в ванной комнате происходило что-то явно веселое: смех, плеск воды, милое воркование, потом вздохи и стоны. Я на миг представил, что там происходило и как это мерзкий тип, расположившийся в моей квартире, наслаждается моей законной супругой.

- И ты выломал дверь? – увлекся рассказом Арсений.

- Я? Ниии! Во-первых, мне очень не хотелось своими глазами увидеть все, что там происходило, а во-вторых, этот тип – Олег Петрович был плечистее меня и здоровее на полголовы. Вместо драки я просто молча прошел в зал, подошел к аквариуму с моими любимыми рыбками... я вообще всегда любил аквариумы и рыбок... поздоровался с желто-зеленым попугайчиком, и сказал им: скоро мы с вами поедем жить в другое место... лучшее место. Волнистый попугайчик Огурчик был смышленный, даже умел немного говорить, я его очень любил. Но на этот раз он меня расстроил, прокричав своим натужным голосом: «Олеееежка.... Олеееежка... давай ещëееее».

«Ах ты мой малэсэннький осведомитель!» - похвалил я свою птичку, а на моих глазах выступили слёзы. Я развернулся и пошел прочь из собственного дома. Пробродил до самого вечера. К возвращению, твёрдо решил, что с Лесей все кончено – развод. Никто песочить меня за это на собрании не станет – я не член партии, и никогда не хотел вступать в нее.

Арсений, услышав о желто-зеленом попугае Виктора Железняка, вспомнил ту странную яркую птичку, которую заметил, восходя на Лысую гору. Неужто этот чудак ходит сюда с ручным попугаем? Но это никак не может быть тот самый Огурчик: птичья жизнь слишком коротка, и уже косточки Огурчика давно истлели и обратились в прах. А аквариумные рыбки в урочище возле капища? Опять дело рук ВУЖа?

- И ты ей даже ничего не сказал?

- В тот день она не узнала, что я их застукал. Но после этого инцидента я перестал спать с женой в одной постели – так она мне стала омерзительна. Впрочем, много я не потерял: на диване в соседней комнате хотя бы крошек не было. Всё вскрылось довольно забавным способом, причем буквально через несколько дней. Я должен был обслуживать очередной банкет в НИИ, но что-то не срослось, и меня пришлось заменить. Я вернулся домой, когда на улице уже темнело. По идее я должен был прийти только утром, проработав на кухне всю ночь. Именно на это рассчитывали Леся и Лещук. Поему удивлению не было предела, когда я вошел в комнату, а в кресле развалилась эта падлюка Олежек, да и еще в моем махровом халате! На журнальном столике у них были апельсины в хрустальной вазочке и откупоренная бутылка шампанского. На жене расстегнутый розово-перламутровый пеньюар так, чтобы были видны все ее прелести. Причём, этот польский пеньюар я ей сам лично подарил.

- Всё меньше тебя осуждаю, Витя! – покачал головой Арсений.

- Я, ничего не говоря, подошел к столику. Эта скотинья продолжала сидеть в кресле в моем банном халате, только испугавшись. Он даже вдавился в кресло. Жинка закрыла от страха лицо руками и тоже ничего не говорила. Хватаю бутылку шампанского со стола и с размаху запускаю её, словно гранату в фашистский танк.

- Лещуку в голову, надеюсь? – ожидал кровавых подробностей юноша, восторгаясь другом.

- Ни! В стену позади него. Тот еще больше испугался, затрясся весь, словно холодец. Начал что-то мямлить на пару с Лесей. Мне под руку попала гитара, и я, вооружившись ею, держа за гриф, наступал на скотиняку, будто первобытный охотник с палицей на мамонта.

«Халат мой сымай!» - ультимативным грозным тоном произнёс я. Лещук что-то бормотал о том, что под халатом ничего нет, но меня это оправдание не устроило. Достаточно было одного угрожающего замаха гитарой над головой этого типа, как Лещук, скидывая на ходу мой махровый халат, ринулся от меня в коридор. Одеться и собрать вещи я ему тоже не дал, поэтому Лещук выскочил из квартиры абсолютно голый. Представляю, как он нёсся по лестничной клетке вниз с голой сракой. На его счастье, в апреле темнота вечерами наступает рано. Наверное, никто из соседей голого мужика никто не увидел, потому что он еще плюхнулся за руль своей «Волги», и помчался в таком виде в свою Троещину. Вот бы была забава ГАИшникам, останови они его на дороге для проверки документов и содержимого багажника! Что касается оставленных вещей гада, то я вышвырнул их из окна.

Арсений, представляя себе эту картину, даже расхохотался, злорадствуя Лещуку, попавшему впросак.

- Хочешь спросить меня, почему я не испугался здоровяка в тот момент? Во мне играли эмоции: в таком состоянии страх теряет свою силу. Дальше пошел скандал с женой. Я выговорил ей всё, что о ней думаю, и рассказал про то, как первый раз застукал ее с Лещуком. Даже про то, что и Огурчик знал о ее интрижке упомянул, но это было зря. Леся к этому времени уже успела прийти в себя, начала пререкаться, отнюдь не пытаясь оправдываться, будто то, чем она занималась с Лещуком, было чем-то нормальным. На мой укор в том, что этот ее розовый атласный пеньюар был куплен мной, супруга обозвала меня жлоблом и рогопилом. В порыве ярости она стащила с себя эту ночнушку, тут же разорвала ее в клочья и швырнула мне в лицо, оставшись совершенно голой. Так она нагая бегала по квартире, проклиная меня на чём свет, обзывая последними словами. Первым делом, она выместила злобу на моём Огурчике: схватила чайник с кипятком и окатила птицу.

Тут Виктор на минуту замолчал. По ему виду было заметно, что это событие так больно по нему ударило, что несмотря на уйму прошедших лет, воспоминания до сих пор ранят его сердце. Для себя Арсений с горестью отметил, что он ошибался: смерть попугая была преждевременной – небось его косточки даже и не сотлели, а растворились в кипятке.

- Не успел я опомниться, глядя во все глаза на то, что осталось от моего пернатого друга, как Леся подняла здоровенный аквариум и выбежала с ним в коридор. И опять я не успел: рыбки нашли свою смерть в унитазе. Я настиг Лесю, когда она уже смыла их, а увидев меня, с надменно-злорадным видом харкнула своей ядовитой слюной в тот самый унитаз, ставший могилой для моих рыбок.

Арсений всё больше распалялся гневом по отношению к злой бабёнке. Теперь он уже ничуть не осуждал друга. Юноше хотелось побыстрее услышать историю ее собственной гибели. И лишь тот факт, что эта женщина давно мертва, успокаивало пыл Арсения.

- Тогда я взял ключи и открыто сказал, что прямо сейчас еду к ее подруге Маше и все ей расскажу, как есть. Пора ей вернуть себе девичью фамилию – Гавриленко. На это Леся перепугалась, стала умолять меня этого не делать. Ей даже было не жаль подругу, она не хотела быть раскрытой, а еще она боялась за своего хахалю, которой сейчас тарахтел на «Волге» голым в сторону Троещины, в то время как под окнами моего дома валялись его шмотки и пальто с партбилетом. Быстро смекнув, что делать дальше, я выбежал на улицу. В потемках трудно было что найти, но пальто я отыскал довольно быстро. Вскоре у подъезда появилась и Леся: она выбежала из дома раздетой, накинув на себя лишь тот злополучный махровый халат, в котором недавно расхаживал по квартире Лещук. Теперь торжествовал я, когда держал красную кожаную книжицу – партийный билет члена коммунистической партии Советского Союза на имя Лещука Олега Петровича пол номером... а пёс с ним, какой это был номер! Главное — это то, что Леся жалобно скулила, лишь бы я отдал ей партбилет любовника.

- А зачем он ей? Вещи не так важны что ли?

- Новое пальто и шляпу, мой друг, приобрести не составляет никакого труда. Но потеря партийного билета – это, считай, конец жизни. Мало того, что Лещук рисковал получить выговор по партийной линии за любовные связи с замужней женщиной и супружескую неверность, плюс за все подробности и утрату билета его бы выперли вон из рядов КПСС: после такого ты уже не мог считаться коммунистом. Разумеется, такое развитие событий обязательно отразилось бы на карьере Лещука, и его бы вышибли по сраку с фабрики. Пришлось бы инженерить ему в конторе куда более задрипозной, может даже и вовсе за пределом Киева. Во мне тогда горело жгучее пламя мести, но в то же время и страх: за уничтожение билета члена коммунистической партии, тем более чужого билета, мне бы самому нехило досталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.